

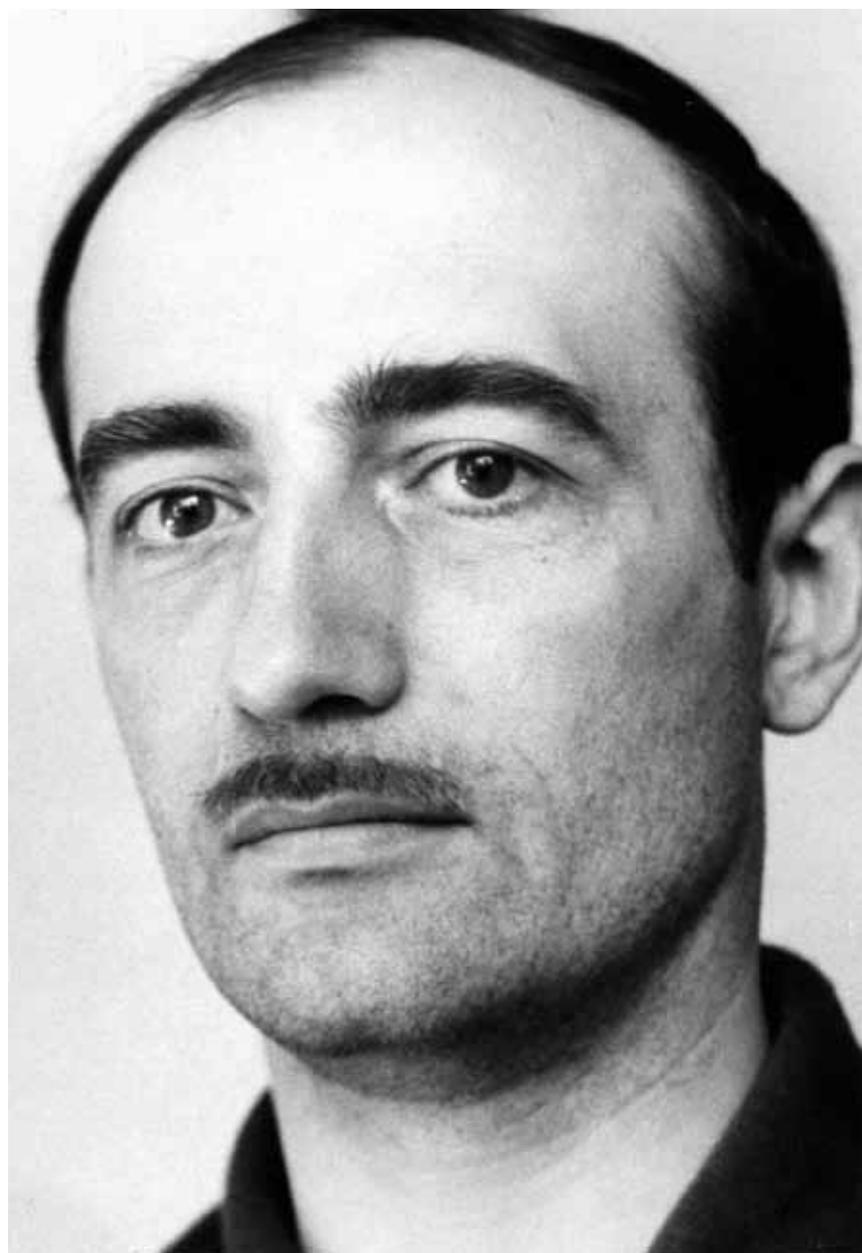

Р
РУССКИЕ В ГРУЗИИ

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

«МЫ КОРОТАЕМ ЭТОТ ВЕК НЕ ЗРЯ...»

КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
«**МЫ КОРОТАЕМ ЭТОТ ВЕК НЕ ЗРЯ...**»
КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ

Тбилиси
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают одиннадцать веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Проект направлен на популяризацию русского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

Константин и Натела Герасимовы

«УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...»

Книга, которую вы держите в руках, завершает серию изданий «Русского клуба», посвященных выдающемуся ученому, поэту, педагогу, библиофилу, одному из ведущих сонетологов мира, профессору Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили Константину Сергеевичу Герасимову (1924-1996).

В первую книгу серии – «Возвращение» (2011) – вошли большей ча-

стью ранее не публиковавшиеся материалы из архива К.С. Герасимова – поэтические произведения, записные книжки, научные статьи, а также воспоминания ряда его коллег и учеников, многие из которых стали гордостью филологической науки.

Издание «Возвращения» осенил своим благословением Католикос-Патриарх всея Грузии Святейший и Блаженнейший Илия II. В его слове говорилось: «Константин

Герасимов... воспитал целую плеяду поколений учеников и оставил глубокий след в деле изучения русской литературы и истории книги. К. Герасимов занимался педагогической деятельностью и в Тбилисской Духовной Академии, Семинарии, и не случайно значительная часть его уникальной личной библиотеки впоследствии была передана в дар именно этим учебным заведениям. Константин Сергеевич принадлежит к высокому рангу тех избранных, чья жизнь продолжается в этом мире и после кончины, и для многих является примером добра и милосердия. Да охранит Господь его бессмертную душу и да упокоит ее в сонме праведных».

Вторая книга – «Из глубины» (2011) – это второе издание одноименного авторского поэтического сборника, вышедшего в 1992 году, составленного и прокомментированного самим К.С. Герасимовым.

Обе книги были презентованы 20 сентября 2011 года в Пушкинской гостиной Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и 19 октября того же года в Тбилисском русском драматическом театре им. А.С. Грибоедова.

Третья книга серии – «Посвящение» (2014) – включила в себя впервые опубликованную поэму-феерию «Посвящение», описание архива К.С. Герасимова и комментарии к нему, а также полный каталог архива. 19 июня 2014 года в театре им. А.С. Грибоедова прошла презентация, по окончании которой, прямо на сцене, все папки с архивными

материалами (описанными и систематизированными) были официально переданы Национальному центру рукописей им. Кекелидзе, где сейчас и хранятся.

И, вот, наконец, в данном издании, четвертом, итоговом, перед нами предстанет живой образ выдающегося русского ученого и поэта, тбилисца, который провел всю свою жизнь в родном городе и не оставил его даже в самые тяжелые годы. Мы расскажем о жизни, судьбе и деятельности Константина Сергеевича, о его детстве и юности, о характере, привычках и пристрастиях, приоткроем завесу над личной жизнью, вспомним о его ближайших родственниках и друзьях. И постараемся сделать это правдиво, со всей нашей искренней любовью и благодарностью.

По нашему глубокому убеждению, кощунственно искать в жизни Константина Герасимова поводы для сиюминутных сенсаций. У знающих людей такого рода «открытия» и «откровения» вызывают оторопь и отвращение, а других, не столь компетентных и искушенных, могут ввести в заблуждение.

Да обратятся наши взоры к тому, что действительно заслуживает внимания, – к поэзии и науке, к стихотворениям и поэмам, которые ждут пытливых исследователей, к статьям и планам, которые жаждут своего дальнейшего осмысления и развития, к светлому образу их автора!

Все эти годы, по мере сил, мы возвращаем наш долг памяти и чести Константину Герасимову. И хо-

тим сделать это еще раз – на этих страницах.

«Учитель, перед именем твоим...»

Однажды, погожим осенним днем 1989 года, мы с Константином Сергеевичем неспеша спускались по тупику Джавахишвили – шли от его дома в направлении Земмеля. Говорили о Маяковском. Точнее, болтала я, а Герасимов, который Маяковского не жаловал (а если сказать откровенно – то терпеть не мог), молча слушал. Но я, 19-летняя студентка, все-таки вдохновенно объясняла учителю, какой это грандиозный поэт. Герасимов продол-

жать молчать. Лишь мелькнула едва заметная улыбка. И тут (ей-богу, как вчера было!) я говорю: «Единственное, что мне не по душе, так это его призыв «Левой, левой, левой!». Это же неуважение к читателю, который, возможно, хочет шагать правой. Что же, таких вот и сбрасывать с «парохода современности»?»

Константин Сергеевич опять промолчал, но тихонько, саркастически рассмеялся (кто знал, тот помнит этот характерный его смех!).

«Господи, – подумала я, – так ведь это я, получается, о вас и говорю, Константин Сергеевич...»

Да, Герасимов всегда шагал именно правой.

Аристократ духа и мысли, ры-

царь книги, кавалер сонета, он не вписывался в свое время.

Поражал зоркостью взгляда и глубиной рассуждения.

Не поддакивал, не подпевал, не шагал строем.

Ни разу никого не предал и не подвел.

Не просил помощи, а помогал сам.

Радовался успехам коллег, даже самых юных.

Искал, находил и продвигал таланты.

Конечно, все наносное развеет-ся ветром истории.

Останутся великолепно написанные тексты и – светлые воспоминания друзей и учеников.

И именно поэтому, я свято верю, Константину Герасимову предстоит вписаться в вечность.

«Я В ТУПИКЕ ДЖАВАХИШВИЛИ...»

«Меня зовут Константин Сергеевич. Не Станиславский», – так по обыкновению начинал Герасимов свою первую лекцию в новой группе. Общий смех и – сразу установленный контакт. (Кстати, поняли бы нынешние студенты эту незамысловатую шутку? Не уверена).

Кто из нас, многочисленных сту-

дентов Герасимова, не запомнил навсегда его блистательные лекции и спецкурсы по истории русской литературы, истории книги, психологии художественного творчества, научной фантастике или научно-философской поэзии?

У Константина Сергеевича был свой, особый стиль. Он был похож только на себя самого и никогда никого не напоминал. Общаясь с ним, вы сразу понимали: это единичное явление. Единственный экземпляр – отлили и разбили форму. В нем не было ни нарочитого академизма, ни псевдодемократизма. Он был абсолютно естественным – как сама природа, как сама поэзия. И была всегда в нем какая-то тайна, а еще – ощущение, что ты никогда не достигнешь до конца высоты этого духа.

А главное приобщение к личности Герасимова начиналось не в студенческой аудитории, а тогда, когда ты переступал порог его жилища – небольшой квартирке в тупике Джавахишвили в старинном тбилисском районе Верэ. (Заметим, что юридически квартира принадлежала человеку, жившему по соседству, а Константин Сергеевич унаследовал от своего деда статус постоянного квартиросъемщика. Это обстоятельство в новые времена все-таки сыграло свою зловещую роль).

Дело в том, что на своих лекциях Герасимов лишь приоткрывал перед студентами дверь в великий мир филологии, побуждая молодежь распахнуть ее самостоятельно, в процессе собственных научных раздумий. К студентам он относился

и серьезно, и иронично, и внимательно, и невнимательно. Это уже зависело от того, каков студент. Но если он распознавал способности и видел стремления, его отношение немедленно становилось коллегиальным, студент приглашался в дом и действительно начинал себя ощущать учеником. Почти избранныком. И Константин Сергеевич никогда не жалел времени на общение, которое само по себе было большой школой большой филологии.

Конечно, никто из студентов не мог прийти к нему в гости просто так, запанибрата. Приходили те, кому

Герасимов предлагал заниматься наукой – шли со своими работами на консультации к руководителю. И сразу же попадали в другой мир. Уникальные книги, беседы, полные глубины (или, если угодно, «Из глубины» – De Profundis) и иронии как неперменной составляющей, а еще – гордые и спокойные коты...

Мистический мир квартиры, в которой свершилось столько «открытий чудных», и который потом был разрушен так страшно, так трагически...

«Мне думается, что мало кто допускался в его дом – чтоб не мешать высоким занятиям и размышления Мастера, – вспоминал близкий друг Герасимова, выдающийся деятель культуры Святослав Бэлза. – Обстановка дома произвела совершенно восхитившее меня впечатление. Это была картинка из девятнадцатого века, из книг Анатоля Франса – прекрасный и завершенный образ библиофила и эстета. Это проявлялось во всем, в обстановке – крайне скромной, но где главенствовали книги, его уникальная библиотека, причем на разных языках, ведь Константин Сергеевич владел несколькими языками. Там были настоящие библиофильские раритеты. Уж это я мог определить точно, ведь был подготовлен фамильной традицией... Главный образ, который возникает у меня при воспоминаниях о Константине Сергеевиче – это он сам в своем жилище, в своем мире, где царствовали книги и коты. Тот же Анатолий Франс писал, что настоящего библиофила узнаешь по тому,

как он берет книгу в руки, гладит ее шагреновый переплет, вдыхает запахи типографской краски, рассматривает гравюры в книге. Редко у кого я встречал такое уважительное отношение к книге, как у Константина Сергеевича. Он гордился своим собранием, и было, чем гордиться. Он был настоящим, убежденным «поклонником галактики Гуттенберга». С какой гордостью он демонстрировал мне отдельные экспонаты своего книжного собрания... Не надо смотреть на визитную карточку, чтобы понять, что перед Вами – граф, человек голубых кровей. Все ясно по внешности, по поведению. И Константин Сергеевич, с его удивительной внешностью, с его несколько вкрадчивой манерой говорить, всегда привлекал внимание. Я снова вспоминаю его образ – тонкие усики, мягкий взгляд, мягкая манера общения, глубочайшие знания и красивая русская речь, которую и в России не всегда услышишь... Скоро я узнал, как его обожают его ученики – студенты Тбилисского университета. И мне было ясно, за что они его обожают. Он был не только увлекательным рассказчиком. Он был книголюбом самого высокого чекана, эрудиция его была беспредельна. На фоне все углублявшегося упадка культуры в нашей стране, да и во всем мире, он оставался пришельцем из эпох более культурных».

А вот как рассказывала об этом удивительном мире заветной квартиры в тупике Джавахишвили художник Виктория Попова (именно она, по рекомендации одного из

самых любимых учеников Константина Герасимова Ефима Курганова, стала иллюстратором первого и единственного прижизненного поэтического сборника «Из глубины»): «В памяти остались долгие осенние и зимние вечера. Я сижу в уютном кресле, завернутая в плед. Герасимов на кухне колдует над кофе по собственному, какому-то новому, совершенно экзотическому рецепту. По комнате, освещенной керосиновой лампой, по возвышающимся до потолка книжным полкам и картинам гуляют тени, на полу жарко потрескивает керосинка. Откуда-то из темных углов, привлеченные теплом, появляются коты – это законные домочадцы, священная и неотъемлемая часть герасимовского мира. Они чинно устраиваются вокруг керосинки. У каждого свое место. Повидимому, здесь какая-то строгая субординация. Один из котов затевает ссору, пытается отвоевать себе место получше. Скандалиста за шиворот выпроваживают в соседнюю холодную комнату – «Посиди и подумай!» Кот молча отбывает наказание за закрытой дверью – перечить здесь не принято. На журнальном столике, прямо на разложенных рукописях по-хозяйски располагается тот, которому можно все. «Он мудрый, – замечает Константин Сергеевич, – мы с ним уже не первый год пишем вместе». Кофе готов, разлит по крошечным чашечкам, и начинается ритуал посвящения в Искусство Наслаждения. Каждый глоток нужно прочувствовать, ощутить и оценить вкус, аромат, послевкусие. Меня

отправляют в увлекательнейшее, наполненное поэтическими легендами путешествие по странам, где взращиваются эти божественные зерна, посвящают в тонкости обжаривания и секреты приготовления. Мне кажется, что на моих глазах рождается Поэма о кофе. Ее автор – Герасимов, изысканный поэт-импровизатор, неожиданный и непредсказуемый. А чашечка кофе – всего лишь повод для вдохновения».

Профессор Нодар Поракишвили, друг и коллега Константина Сергеевича, подробно описывает дом Герасимова в своих воспоминаниях: «В фасадной части находилась одна сравнительно небольшая комната, в глубине – другая, к ним примыкал коридор с подсобным помещением, где располагалась кухня. Первая с минимальным набором мебели служила гостиной, где хлебосольный

К.С. принимал бесчисленных визитеров, во вторую, смежную, доступ посторонним был запрещен. Лишь дважды за время нашего долговременного знакомства – в связи с недомоганием К.С. – я оказался на «заветной» территории и физически ощутил, что именно здесь сохранена особая форма жизни, нетеатральная, не занафталиненная, не дубликат чего-то маргинального. В небольшой комнате – слегка затемненной – господствовал своеобразный режим реальности в виде простой совокупности старинных вещей – шкафа, гардероба, ломберного столика, нескольких стульев, кровати и столика – именно они воспроизводили своим старомодным, ненарядным видом и неменяющимся порядком непередаваемый аромат прежней семейной жизни, неподвластной времени».

А сам Константин Сергеевич писал о своей обители гордо, горько и, конечно, иронически:

Титан, прикованный к скале,
Я знаю: гнев Зевеса вечен.
А все ли помнят об орле,
В мою взгрызающемся печень?

В Афинах был я Периклес,
Брут – в Риме (с Цезарем мы были
На дружеской ноге). А здесь
Я в тупике Джавахишвили.

Да, в тупиках ютятся сброд.
Тупик – аппендикс. И о чуде
Не помышляю. Есть лишь вход
В тупик. А выхода – не будет.

...Пусть не титан – но не пигмей
Я в тупике Джавахишвили!
Проспекты, помню, подлинней
Его, бульвары – шире были

В иных столицах... Мой тупик –
Не поле Марсово, не Форум.
Не море пусть, не снежный пик
В моем окне открыты взорам:

«Дыши, надейся и борись, –
мне шепчут три листка зеленых, –
для всех, в Далекое влюбленных,
из тупика есть выход: Ввысь».

Да, именно таким путем – ввысь!
– шли все его ученики по тупику
Джавahiшвили.

«УЖЕ ТОГДА Я БЫЛ ПОЭТ»

Конечно, упоминания о библиотеке Константина Герасимова появятся на этих страницах еще не раз – прежде чем мы коснемся этой темы вплотную.

Однако все на свете, в том числе, и страсть к Слову самой высокой пробы, начинается, конечно, с детства.

Константин Герасимов родился 26 июля 1924 года в Тбилиси, в потомственной дворянской семье, проживавшей в том самом верийском тупичке.

Дед, Авдей Яковлевич Герасимов, помощник начальника архива Штаба Кавказского военного округа, был первоклассным печатником и страстным библиофилом.

Отец, Сергей Авдеевич, 1901 года рождения, был инженером Госплана ГССР (так указывал сам Герасимов в анкетах). О его судьбе красноречиво говорит год смерти – 1937-й. Он был арестован и расстрелян, когда сыну Косте едва исполнилось 13 лет. Но мальчик навсегда запомнил, как по вечерам отец читал вслух римских классиков в оригинале. Скорее всего, именно оттуда, от тех вечеров, и пошла тяга Герасимова читать великие произведения на языке оригинала. (Хорошо помню, как он читал любимые стихи, при этом очень ценил не только смысл,

Авдей Яковлевич Герасимов

но и звук, поэтому мог прочитать строки по-немецки или по латыни, приглашая вслушаться в звучание стихотворения, оценить его мелодию. Удивлялся, как можно даже предположить возможность перевода Евангелия с церковнославянского на современный русский язык).

Мама Константина Сергеевича, Лидия Васильевна Герасимова, урожденная Письменная, родилась в 1903 году. Всю жизнь посвятила семье – мужу и сыну. Ее не стало в 1950 году – она скончалась в Мо-

ске, когда гостила у родственников, там ее и похоронили. Фотография мамы, красивой женщины с темными волосами и большими грустными глазами, всегда стояла в рамке на письменном столе Герасимова...

После гибели Сергея Авдеевича на долю деда, Авдея Яковлевича, выпала тяжелая участь – воспитать внука. «Кто знает, как сложилась бы его судьба, не будь рядом с ним дедушки, – пишет Нодар Поракишвили. – Это был потомственный дворянин, нерядовой член гильдии книгоиздателей, в обыденной же жизни – добрый и благородный человек, безмерно влюбленный в обездоленного судьбой единственного внука. Он умело приобщал К.С. к книгам, последовательно вводя его в мир семейных и городских традиций, ничего общего не имеющих с повальным умопомешательством. Именно в ходе этого процесса зародилась и оформилась на всю жизнь любовь к древностям – книгам, рукописям, многовековым фолиантам. Иного способа преодоления оплеванного детства, отрочества и юности не

было – вот почему К.С. не пополнил собой толпу неудачников и неврастеников».

Да, как и было сказано, все начинается с детства. Посудите сами: Косте было всего семь лет, когда он впервые прочитал сонеты Хозе Марии де Эредиа. А спустя несколько лет написал свое первое стихотворение – «Надпись на «Трофеях» Хозе Мария де Эредиа»:

Бессмертный ювелир
лирических сюжетов,
Твой ритм – звучащий медью
шаг когорт,
И каждая строфа –
отточенный аккорд
Чеканных мощным
гением сонетов.

Юность будущего великого библиофила совпала с Великой Отечественной. «Не до книг тогда было, – вспоминал сам Герасимов, – стояла одна задача – выжить. И маме, чтобы не уморить нас голодом, пришлось распродать библиотеку деда, Авдея Яковлевича. Вот когда начали формироваться мои библиофильские вкусы и проснулся настоящий азарт! И пока я не вернул роскошное издание «Пиковой дамы» с иллюстрациями Александра Бенуа, покоя не обрел. По окончании войны букинистические магазины России, Прибалтики и других республик буквально ломились от раритетов и редких изданий. Редкие книги – дорогой товар, но в те времена за них просили гроши, ведь все были заняты мыслями о хлебе насущном».

Куда поступать после школы, выпускник Костя Герасимов думал не долго – во ВГИК, на сценарный факультет. Приехал в Москву, остановился у мамыной сестры. Рафинированная московская тетушка пришла в ужас – во-первых, племянник говорил с чудовищным грузинским акцентом, хотя и на безупречном русском языке, а во-вторых, у него совершенно не было манер! Пришлось заняться и тем, и другим.

Константин Сергеевич не раз вспоминал такую историю. Тетя обучала его, как надо подносить даме спичку. «Если дама возьмет

С мамой Лидией Васильевной

в руки сигарету, то надо зажечь спичку и изящным жестом поднести даме. Запомнил, Константин?» — «Запомнил». — «Если ты не успел, и дама сама зажгла спичку, надо изящным жестом взять спичку из ее рук и поднести к сигарете. Запомнил, Константин?» — «Запомнил». Урок повторялся несколько раз. И вот, у тетушки собрались гости, и она наконец решилась представить им своего племянника из Тбилиси. Измученный уроками, да еще и не имевший никаких соответствующих навыков поведения в подобных ситуациях, Костя вдруг заметил, что одна гостья взяла сигарету и уже зажгла свою спичку. Тетушка выразительным взглядом посмотрела на

племянника, и тогда он, чуть ли не дрожа от волнения и ужаса, подошел к даме, изящным жестом взял из ее рук спичку и ... прикурил свою сигарету.

Впрочем, тетушкины уроки не прошли даром. Константин Сергеевич всегда славился своими аристократически безупречными манерами, а изящество, с которым он подносил спичку, и вовсе сражало наповал. А вот тбилисский акцент так и остался неистребим. Как пишет один из любимых учеников Герасимова, доктор филологии Сергей Хангулян, «кажется, полностью избежать такого акцента не дано ни одному русскоговорящему тбилисцу, прожившему в этом городе более одного

десятилетия. Я помню, как на одной из Волошинских конференций в Коктебеле после нашего выступления к Константину Сергеевичу подошел Павел Нерлер, известный специалист по творчеству Мандельштама, пожал руку, поблагодарил за интересный доклад и сказал: «Особое спасибо за ваш тбилисский русский – душа радуется, будто вновь побывал в Тбилиси».

Студентом ВГИКа Герасимов не стал. Вернулся в Тбилиси и поступил в университет на факультет математики. Однако, окончив второй курс, забрал документы, снова сдал вступительные экзамены и стал студентом первого курса филологического факультета того же Тбилисского государственного университета.

Это было в 1947 году.

А теперь – внимание. Заглянем в поэтический архив Константина Сергеевича и обратимся к списку произведений. К тому времени 23-летним Костей Герасимовым уже были написаны:

- Первая тетрадь стихов. «Грезы»
(8 стихотворений)
- «Лиловый сборник»
(22 стихотворения)
- «Желтый сборник»
(35 стихотворений)
- «Третий сборник»
(52 стихотворения)
- «Четвертый сборник»
(181 стихотворение)
- «Песни Моря»
(28 стихотворений)
- «Jolly Rodgers»
(50 стихотворений)

– «Harmonices Mundi» (Музыка Сфер) (14 стихотворений)

И это – не считая рассказов и повестей. Обычно в таких случаях говорят, что комментарии излишни.

Прочтем стихотворение, написанное в августе 1945 года:

шего университета и других высших учебных заведений. Но и в условиях такой интеллектуальной конкуренции Котик ненарочито выделялся какой-то особой литературной фундаментальностью, глубиной, остротой и свежестью мысли. Я читала курс истории зарубежной литературы на русском секторе филологического факультета. Изучению этого предмета уделялось тогда большое внимание, и лекции читались в течение шести семестров. Помимо лекций практиковались и семинары, на которых студенты выступали с докладами о виднейших памятниках литературы европейских стран. Какие темы обсуждались в тот год я, конечно, не упомяну. Исключение составляет лишь доклад Котика Герасимова, посвященный «Боже-

ственной комедии» Данте. Меня поразило, что студент первого курса не устрасился взяться за это сложное произведение, сумел разобраться в критической литературе и так логично и убедительно выстроил свой доклад, что все студенты с неослабевающим вниманием и интересом слушали его. Мне было приятно узнать, что Котик прекрасно проявляет себя и по другим предметам и особенно серьезно и увлеченно работает в области своей основной специальности – русской литературы. Тем более удивительным и неприятным оказалось известие, что по окончании университета он не получил рекомендацию для поступления в аспирантуру».

Да, как это ни поразительно, блестящий студент Герасимов кафедре

Вано Шадури

почему-то не понадобился...

А теперь давайте проследим, каким образом выпускник университета, которому не дали направление в аспирантуру, который никогда не состоял в комсомоле и не был членом коммунистической партии, стал профессором университета, одним из ведущих сонетологов мирового филологического сообщества, автором основополагающих статей по теории сонета и творчеству В.Я. Брюсова, любимейшим педагогом многих поколений студентов.

В 1952 году Герасимов окончил университет с красным дипломом и – начал работать учителем русско-

го языка и литературы в тбилисской средней школе №6. И учительствовал целых девять лет!

Только через семь лет, параллельно с работой в школе, он смог добиться зачисления в заочную аспирантуру при Тбилисском государственном педагогическом институте им. А.С. Пушкина по специальности «Русская литература».

В 1961 году Герасимов становится преподавателем кафедры русского языка ГПИ – Грузинского политехнического института им. В.И. Ленина (т.е., там Герасимов преподавал исключительно русский язык!).

В 1964 году защищает диссертацию на тему «Научные интересы В.Я. Брюсова в его поэтическом творчестве» под руководством легендарного литературоведа, доктора филологических наук Вано Семеновича Шадури.

Остановимся здесь ненадолго, ведь у читателя наверняка возник вопрос, почему Герасимов остановил свой выбор именно на Брюсове? Вот как это объяснял сам Константин Сергеевич: «Брюсов – это человек, который пытался «объять необъятное». Может быть, он «последний из могикан» в век информационного взрыва, когда универсализм Леонардо или Ломоносова уже недостижим, поскольку мозг не успевает обрабатывать лавинообразно нарастающий поток информации. Вот почему мне близок Брюсов, чей пытливый взор проникал во многие тайны науки. Я тоже не сторонник узкой специализации – гото-

вьясь к чтению спецкурса по научной фантастике и научно-философской поэзии, серьезно изучал естественные науки: биологию, астрономию, физику. Думаю, что узкая специализация неизбежно ведет к ограничению мировосприятия в целом».

Судьба свела Герасимова с вдовой Брюсова – Иоанной Матвеевной. Герасимов получил доступ к библиотеке поэта, а это была настоящая сокровищница. Между прочим, его особенно впечатлили книги о магии, которые Брюсов выписывал из Нюрнберга во время работы над романом «Огненный ангел».

Не могу не вспомнить, как Константин Сергеевич, посмеиваясь, рассказывал, что вдова Брюсова очень не любила Маяковского, как оказалось, за высокий рост: входя в комнату, Маяковский видел не вытертую на шкафах пыль, и ей всякий раз становилось очень неудобно.

Итак, Герасимов защищает диссертацию, становится доцентом кафедры русского языка ГПИ. Тогда же, в 1964 году, по личной рекомендации Шадури, он начинает читать в ТГУ отдельные спецкурсы – прежде всего, по истории книги и книгопечатания. И, наконец, в 1979 году Константину Герасимову предлагают должность доцента кафедры истории русской литературы ТГУ им. Ив. Джавахишвили.

Вы только задумайтесь, Константин Герасимов, нынешняя легенда и гордость Тбилисского университета, шел к родной кафедре целых 27 лет!

А теперь снова заглянем в поэтический архив. Герасимову 55 лет, и

за истекшие годы список его произведений пополнился новыми:

- «Пятая Книга»
(159 стихотворений)
- «Книга Шестая»
(145 стихотворений)
- «Книга Седьмая»
(61 стихотворение)
- «Книга Восьмая»
(105 стихотворений)
- «Книга Девятая»
(86 стихотворений)
- «Книга Десятая»
(103 стихотворения)
- «Лики Вечности»
(18 стихотворений)
- «Эотен»
(26 стихотворений).
- «Шепот песчинок»
(101 стихотворение)
- «Изольда».
(24 стихотворения).
- Книга «Верность – Salvafide».
(120 стихотворений)
- «Arsmoriendi»

поэтический цикл из 154 сонетов

Если подсчитать арифметически, то получится, что каждые семь дней Константин Герасимов писал новое стихотворение...

Бережно перелистаем страницы поэтического архива... Стихотворение «Русская поэзия» было написано в октябре 1966 года:

Эпохи приговор – к стене.
Поэзия, аристократка,
Спокойно улыбнуться мне
Сумей перед командой краткой.

Валерий Брюсов

Вячеслав Иванов

Максимилиан Волошин

Они расстреливали нас
Недаром в каждой подворотне,
Привычно щурясь. Вот. Сейчас.
Твоя улыбка все бесплотней...

В совдеповских декретов жуть,
Карболки, лозунгов, портянок
Входила ты, свинцом ли в грудь,
Свинцом рассыпанных ли гранок.

Как – вызывающе смела,
Неуловимо осторожна –
Ты в безнадежности была
Подтекстом всех ночей острожных!

И – не оглушены пальбой,
Ни агитгрохотом, ни визгом
Гармошек шалых – мы с тобой –
Над ежечасной бездной риска.

Бывало – я тебя терял...
Гудки ночные полустанков...
Теплушек лязг. Чужой вокзал.
Мелькает рваная ушанка

Твоя – и снова вместе мы.
Судьба, нас разлучить посмей-ка,
Хоть голодны объятья тьмы
И вшива жизни телогрейка.

Тобой я бредил невпопад,
Не зная матерщины смака,
Шепча за строчкой строчку в смрад
Сыпнотифозного барака.

Скудны пайки – но горстью рифм
Со мной делилась ты, последней
Строкою, выведенной вкривь
В заветной тьме
всезвездных бредней.

«Своя среда». На ступеньках I корпуса ТГУ им. Ив. Джавахишвили

геевич; профессора высших московских учебных заведений Олег Клинг, Мария Михайлова, Олег Федотов; профессор Захар Давыдов (Канада); его тбилисские ученики – доктор филологии Сергей Хангулян (США), доктор филологии Ефим Курганов (Франция), академик Владимир Чередниченко (Краснодар), профессор Татьяна Мегрелишвили, доктор филологии Ирэна Кескюль. К сожалению, от нас ушли академик Валентин Никитин и доктор филологии Владимир Саришвили... Когда эта книга готовилась к печати, пришла печальная весть, что скончался профессор МГУ Сергей Кормилов, многому учившийся у К.С. Герасимова и, как и все, признававший, что «у истоков современной разработки теории сонета в литературоведении стоял именно К.С. Герасимов».

Все то, что успел сделать Константин Герасимов, переоценить невозможно. Едва ли на этих страницах поместится полный перечень. Вообще, как справедливо писала та же Наталия Орловская, «Константин Сергеевич был не только кабинетным ученым, погруженным в замкнутое пространство книжных полок и письменного стола. Он живо интересовался современностью, держался в фарватере научных достижений и общественных проблем».

Посудите сами, как богата, как поразительно разнообразна была его жизнь.

В 1985-м и 1988 годах на базе ТГУ Константин Герасимов совершил, по тем временам, невероятное: организовал и провел две международные научные конференции по сонету (сборник материалов одной из них,

С Тенгизом Буачидзе и Нонной Элизбарашвили

«Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета», по сей день – один из образцов филологической мысли). Как писал профессор Олег Федотов, «благодаря его усилиям столица Грузии становилась признанным центром русской сонетологии. И если бы не политика...»

Герасимов создал международное сообщество поэтов, культивирующих в своем творчестве сонет, в 1994 году оно получило название «Школа сонета» и активно действует по сей день.

Он был вице-предводителем Межнародного Дворянского собрания Грузии.

По личному приглашению Католикос-Патриарха всея Грузии Илии Второго читал курс истории русской литературы в Духовной Академии и Семинарии.

Создал благотворительную вос-

кресную школу, куда мог прийти любой школьник и послушать уроки по истории языка, литературы, религии, культуры.

В конце 1980-х годов возродил на филологическом факультете студенческий научный кружок, куда привлекал одаренную молодежь и лично читал кружковцам полные новых данных доклады.

Организовал поэтическую студию, которая получила название «Обитаемый остров», собрала за-

С немецкими коллегами. 1994

мечательную компанию талантливо пишущих молодых людей и долго действовала при Доме офицеров.

Напомним, в 1992 году по инициативе председателя Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям при СП Грузии О.Ф. Нодия было организовано Пушкинское общество Грузии. Его первым председателем стал поэт Михаил Квливидзе, который вскоре передал бразды правления Константину Герасимову. «В 1993 году меня пригласили на заседание Пушкинского общества, которое возглавлял К.С. Герасимов, – вспоминала профессор Мария Кшондзер, ныне проживающая в Германии. – Время было очень тяжелое, но посетив одно из собраний, я почувствовала такую теплую, искреннюю и доброжелательную атмосферу, что не прийти снова уже не смогла. Безусловно, центром притяжения, фигурой, к

которой тянулись и от которой заражались любовью к слову, к поэзии, к искусству, был Константин Сергеевич Герасимов. Кто пережил то время, знает, что голод и холод не очень способствуют творчеству и интеллектуальным беседам. Однако в нашем случае произошел такой парадокс: именно встречи в Пушкинском обществе, в Доме-музее Смирновых, где все дышало Пушкиным и поэзией, мы отходили душой, отогревались в прямом и переносном смысле, на время забывая о бедах, невзгодах, лишениях и трагедиях. Константин Сергеевич преподавал нам урок глубокой духовности и жертвенного служения Музам, которые для него никогда не молчали. Он был уже болен, но старался не показывать своего состояния, не любил, когда спрашивали о его здоровье, а воодушевлялся только тогда, когда речь заходила о его любимом сонете и о поэтах, воплощавших в

его понимании всю суть и мощь русской поэзии, – Вячеславе Иванове и Максимилиане Волошине».

«Весомым было его участие в научных мероприятиях, – свидетельствовал Дмитрий Тухарели. – Герасимов хорошо знал и любил творчество В. Брюсова, хорошо знал сонет, ездил на многие Брюсовские и сонетные конференции в Ереван, Ставрополь, Москву, Коктебель... Костя замечательно выступил на нескольких Пушкинских конференциях, прошедших в Тбилиси, сам организовал конференции по сонету».

«Герасимов был неизменным участником всех Брюсовских чтений, которые регулярно проводились в Ереване, Москве, а затем в Ставрополе – с 1962 по 1992 гг. Константин Сергеевич был душой и организатором едва ли не всех неурочных собраний участников конференций, и в шутку называл Брюсовские Чтения «Брюсовскими Бдениями», поскольку такие «симпозиумы» дли-

лись, как правило, до раннего утра» (из воспоминаний Сергея Хангуляна).

Приведу чрезвычайно выразительный и показательный фрагмент воспоминаний Захара Давыдова: «Мы познакомились поздно, только в 87-м году, на Волошинских Чтениях в Коктебеле. Доклад, прочитанный Константином Сергеевичем, назывался «Венок сонетов М. Волошина». Это было блестящее выступление не только знатока волошинского творчества, но и знатока европейского сонета вообще. Мы сразу стали близкими друзьями. Это бывает редко, но бывает. И это была не просто дружба близких по духу и взглядам людей. Это была дружба творческая, дружба, генерировавшая идеи. Одной из таких идей стала идея проведения в Киеве Волошинских чтений, посвященных сонету. Эти Чтения состоялись уже на следующий год после нашего знакомства. В конце мая 1988 года

«ВЕРНОСТЬ – ВОТ ИЗБРАННИКА СТЕЗЯ»

Как принято говорить, личная жизнь на то и личная, чтобы не делать ее достоянием общественности.

И все же мы возьмем на себя смелость совсем немного рассказать читателю о друзьях Константина Сергеевича, о его единственной супруге, о близких родственниках, и, может быть, лучше поймем этого

человека, который был настолько же открыт, насколько и замкнут, настолько же понятен, насколько и загадочен.

Нодар Поракишвили, уверен, что «личная жизнь К.С. была бесконечно драматической, сложной, временами принимая характер самой настоящей трагедии с трудно переносимыми обстоятельствами, которые проживались им с невероятными мучениями. Она может быть обозначена коротко и ясно: К.С. сплошь и рядом «держал» рядом с собой людей (включая малочисленных, прости Господи, дам), не совсем привлекательных по стержневым особенностям, но крайне «продуктивных» в смысле безбрежного цинизма».

С родными за городом

Ну, мы, пожалуй, постараемся обойтись без крайностей и приговоров, и поговорим лишь о том, о чем нам разрешил бы поговорить сам Константин Сергеевич...

Друзей, приятелей, добрых знакомых у Герасимова было очень много, это правда. «Прежде всего было удивительно его умение понимать и ценить самых разных людей, — вспоминала аспирантка Герасимова, ныне профессор Татьяна Кошемчук. — С моей избирательностью и прямоотой, я порой возмущалась его всепринятием, но... принимала в нем и это. Я внимательно созерцала его общение с другими людьми, которые порой казались мне совсем не стоящими того, но он был красив и совершенен и в этих линиях своей жизни, то есть искренен, без капли фальши, действительно расположен

к человеку, с которым имел дело... Да, он был человек общения, это едва ли не основная черта его личности. Писал как филолог он не много (и лишь о Волошине с любовью и истинной, глубоко личной вовлеченностью), так что не в филологических штудиях выговаривалась его жизнь — но в его общении, и здесь уместно именно это слово: в его любви к людям. Все, кто, как и я, однажды, попадал в круг его симпатии, знают этот особенный тон его дружбы — с бережным вниманием, безупречной вежливостью и деятельной заботой».

Но, конечно, в самый-самый ближний круг Константина Сергеевича входили единицы.

Особое место в его жизни и судьбе занимал Игорь Стефанович Поступальский, писатель, переводчик,

Владимир Эльснер

историк литературы, библиограф – личность историческая, легендарная, из Серебряного века... Этой дружбой Герасимов очень дорожил и называл Поступальского не только другом, но и учителем. Константин Сергеевич говорил, что связующим звеном их знакомства стал Хозе Мария де Эредиа, сонеты которого, как уже было сказано, Герасимов прочел в возрасте семи лет и полюбил на всю жизнь, а Поступальский подготовил издание Эредиа в серии «Литературные памятники» (кстати, как и Бодлера, и Рембо). Но, думается, главным поводом и предметом знакомства стал все-таки Брюсов, о творчестве которого Поступальский написал целый ряд работ. Именно он, кстати, и познакомил Герасимова с вдовой Брюсова. «Это был человек, не имевший никаких ученых степеней, – рассказывал Герасимов, – но на конференциях к его го-

стиничному номеру выстраивалась очередь из докторов и академиков, желавших с ним побеседовать или проконсультироваться. Игорь Стефанович, солагерник Мандельштама, был свидетелем последних дней великого поэта. Поступальским собрана уникальная библиотека, начало которой было положено в разоренной усадьбе Набокова, отца автора «Приглашения на казнь» и «Лолиты». Десятилетним ребенком Игорь Поступальский выживал из пруда и со свалки книги, выброшенные пролетариями, и таскал их домой. Он подарил русскому читателю многих французских символистов... Работу над изданием Верлена преврала смерть... И этот, не побоюсь громкого слова, великий человек, всю жизнь нуждался. Я чуть не расплакался, когда однажды он, в качестве ответного жеста пригласив меня в московский ресторан, расплачиваясь, достал узелок с мелочью и принялся отсчитывать монетки презрительно скривившему губы официанту».

Игорь Поступальский

С большим теплом Герасимов говорил о своей дружбе со знаменитым тбилисским библиофилом Владимиром Эльснером (да-да, тем самым, кто был свидетелем на свадьбе Анны Ахматовой и Николая Гумилева и работал специальным корреспондентом журнала «Аполлон»), с сыном Вячеслава Иванова Дмитрием Вячеславовичем, кавалером Ордена Почетного легиона, журналистом, писавшим под псевдонимом Жан Невсель.

Своего московского двоюродного брата Константин Сергеевич считал не только родственником, но и другом. Помню, с каким теплом и гордостью он рассказывал мне об Олеге Герасимове, сыне Георгия Авдеевича Герасимова, актере, режиссере, педагоге, декане актерско-

Олег Герасимов

Дмитрий Тухарели

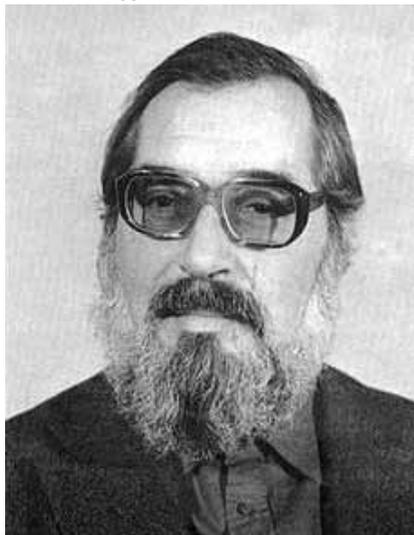
го факультета Школы-студии МХАТ, авторе диско-спектакля «Алиса в стране чудес». Олег Георгиевич часто приезжал к брату в Тбилиси, а потом они вместе отправлялись в Сухуми, к Александру Герасимову, который приходился родным братом Олегу и двоюродным – Константину. Кстати, Олег пережил Константина Сергеевича всего лишь на один год, хотя и был младше на пять лет. А где теперь его сухумские родственники? Бог весть...

А как Герасимов умел «делиться» своими друзьями! Так, автору этих строк он «подарил» дружбу с художником и поэтом Львом Кропивницким, а Татьяне Мегрелишвили – с пушкинистом Владимиром Вацуро. Каков масштаб «подарков», правда?

А вот еще несколько живых человеческих штрихов к портрету. «Костя был не только умным и образованным ученым, но и просто человеком, – вспоминал Дмитрий

Тухарели. – И ничто человеческое ему не было чуждо. Он очень любил гостей – и званых, и незваных, не менее и иностранных. Правда, его угощения всегда были скромными: на тарелочке две шпротинки, два прозрачных кусочка колбаски, две маслинки. Более обильными бывали выпивки. Затем он вместе с собутыльниками начинал обходить друзей. В нашем доме он постоянно находил радостный прием. Дочь Майя с радостью сообщала: «Дядя Котик пришел, кофе пить будем!», пока моя супруга Зоя не заменила эфемерный кофе насущным обедом. Дома ему было некому варить обед... Последний раз я и Зоя побывали в гостях у Кости после свадьбы нашего сына – на этой свадьбе Костя был тамадой. Разве можно было выбрать тамаду удачнее на грузинско-русской свадьбе? Он оказался

Вадим Вацуро

Нодар Поракишвили

блестящим руководителем стола. Вот мы и пришли благодарить, и оказались на дне его рождения».

Своим друзьям Герасимов посвящал как шуточные эпиграммы, так и высокие стихотворения. Открытым поэтический архив:

О, эрудиция Гиголова –
Горыныча многоголового!

Светлана назвала
божественным Вадима,
Не зная: есть на свете
Тухарели Дима.

Что нового на книжной базе
Сыктывкара?
Не знаете? Тогда спросите
у Нодара.

Хотя Вергилием водим
 Я не был, дорогой Вадим,
 По девяти кругам Inferno,
 Где так во тьме
 кромешной скверно,
 Но было одолеть пути
 Дано к сонета звездным сферам,
 И этот сборник увести
 Из-под хвоста у Люцифера.

Как вы понимаете, в последних двух посвящениях речь идет о Нодаре Поракишвили и Вадиме Вацуро.

А это стихотворение, посвященное Льву Кропивницкому, написано в ноябре 1986 года (здесь обыгрываются имя дорогого друга – Лев, и знак зодиака Герасимова – Лев):

Я говорю – вина ли в том вина? –
 Что на двоих судьба у нас одна.
 И, Млечного Пути сливая устье
 С истоками, что нет у неба дна,
 Ты знаешь. И моя звезда видна
 Тебе, раз нет на небе захолустья.

Плененные во тьме
 всезвездным бреднем,
 На темном берегу – вновь я и ты.
 И вновь судьбы искажены черты...
 А все же – вопреки
 эпохи бредням –
 Делиться нам вина
 глотком последним
 И сопереживаньем Высоты.

Их тьмы, и тьмы, и тьмы.
 Но есть на свете – мы.
 И вечно наше «нет»

Лев Кропивницкий

Тому, что – тьма. Не свет.

Так будь же нам, вечерняя заря,
 Алее той, что, юности горя,
 Была достойна нашей –
 львиной! – доли!

Что ж, между нами,
 Львами, говоря,
 Мы коротаем этот век не зря,
 Хоть и на темных берегах неволи.

Первой и единственной супругой Константина Герасимова стала Натела Манафовна Гусейнова. (Их было три сестры, Гусейновых, и у каждой – по два имени: Натела-Софья, Нелли-Лейла, Тина-Мадина). Натела была младше мужа на четыре года. Специалист французского

языка, она всю жизнь проработала в Тбилисском государственном театральном институте имени Ш. Руставели.

История любви и семейной жизни Константина и Нателы оказалось красивой и драматической одновременно. Это был брак по любви, который, к несчастью, не стал счастливым. Отношения складывались тяжело, неровно. Вправе ли мы судить о том, что было тому причиной? Поэтому отсылаем читателя к воспоминаниям очевидцев. Прежде всего, конечно, к рассказу сестры Нателы Манафовны – Нелли: «Поначалу они с Нателой жили очень дружно. А в конце отношения разладились. Не думаю, что в этом виноват был Котик... Он очень часто приходил ко мне, потому что дружил с моим мужем, тоже Котиком. Я ему как-то в сердцах сказала: «Вы все время ссоритесь, она за тобой не смотрит, в каком ты виде, ты не должен так ходить, у вас разлад, ну так брось ее!» А он изумленно посмотрел на меня и ответил: «Нелли, вы подумали прежде, чем сказать? Я ее люблю, я не могу без нее жить». Я была удивлена... Константин любил застолье, это не секрет. А Натела злилась, потому что он всегда компании у себя собирал. Хотя он так красиво накрывал на стол – редкая женщина так сумеет... Потом Натела переехала жить к маме. Котик постоянно приходил к ней, приносил подарки, деньги – она не брала... А как он относился к нашим родным! Не всякий родственник сделает то, что делал Котик. Он очень любил племянниц Нателы,

Ирочку и Марину, дочерей нашей третьей сестры Мадины, и говорил: «Это мои дети». Он чувствовал за них большую ответственность, контролировал каждый их шаг – куда идете, когда встретиться... То, что он делал для моих племянниц, родной отец не сделал. Даже когда они учились в школе, его все там знали, с ним считались. Обе они закончили университет, стали переводчицами с турецкого. Потом сестра с дочерьми и мужем, полковником Али Ишмурадовым, переехала в Ташкент, хотя Котик умолял оставить девочек

Натела Герасимова

Ирина и Марина Ишмурадовы

в Тбилиси... Не знаю, может быть, если бы у Котика и Нателы были свои дети, все сложилось бы по-другому? Натела очень долго лечилась, но...».

«Как бы ни были сложны их отношения (это, кажется, все знали), они были хороши вместе, – свидетельствовала Татьяна Кошемчук. – Нателой можно было залюбоваться и в ее поздние годы, она была очень резкой, очень яркой, очень красивой. Порой они чудесно рассказывали вдвоем. Как сейчас, до малейших интонаций помню их рассказ о «памятнике Жюль Верну». Он: «Ты знаешь, Танечка, что в Тбилиси есть памятник Жюль Верну?» Улыбается, я чувствую подвох, жду, Натела улыбается тоже, тогда он продолжает: «Мы шли однажды с Нателой по Тбилиси, она меня спрашивает: кому поставлен этот памятник? А я понятия не имею. Я был молод, не мог же я признаться, что не знаю. Ну и говорю – Жюль Верну». Она подхватывает, обращаясь ко мне: «Я ему тогда так верила, во всем...

Конечно, Жюль Верну! И вот, представьте, через несколько лет я показываю Тбилиси своим гостям, говорю, так восторженно, что вот это – памятник Жюль Верну, и как же это чудесно, что в Тбилиси – есть памятник Жюль Верну... Мы подходим ближе, а это памятник... Я не помню сейчас имени, но – какому-то грузинскому революционеру. Это был такой стыд! Как он мог!» Натела договаривает с таким глубоким возмущением, что, кажется, сейчас будет семейная сцена. Он, перебивая,

продолжает: «Ты представляешь, как мне досталось в тот вечер за Жюль Верна?!» Натела смеется, мы тоже смеемся, долго и светло... Так, верно, в Обломовке смеялись – как олимпийские боги. Такого больше не было – никогда. Я любила этот дом. И люблю по-прежнему: и в раю должен быть уголок, подобный тому тбилисскому дому с книгами. Ведь человеку всегда нужен не только весь мир с его безграничностью, но и то малое пространство взаимопонимания и взаимоприятия, которое и называется домом».

Вновь откроем пожелтевшие страницы поэтического архива, прочтем «Балладу о Последнем Кабаке», написанную в феврале 1961 года, и подивимся, как прозорлив может быть Поэт...

Путями скорбными
 бредя земного бытия,
 Старался должное
 воздать свиной грудинке я.
 Но, подлинная страсть моя,
 о пиво, только ты
 Достойно верности одно,
 святыня из святынь!
 О виски толковали мне:
 на спор не тратя сил,
 Я улыбался и молчал.
 Я знал. Я пиво пил.

И тайно робкая мечта
 шептала мне: «Нельзя
 Пить что придется.
 Верность – вот избранника стезя».

Томимый жаждою,
 искал я долго. Все черней,
 Мелькали ночи
 в череде неутомимых дней.
 Я позабыл родной очаг,
 и свой народ (и ту,
 Что не могла меня простить),
 шагая в темноту,
 Пока, очистившись душой
 от скверны зла, не смог
 Дверей нащупать
 кабака во тьме моих дорог.

Поэт не праведник,
 и без особого труда
 Грешить случалось мне
 с тех пор. Быть трезвым – никогда.

Когда ж покинуть
 мне придется наши берега,
 Топчась по облакам дурацким –
 это два шага –
 Примечу вывеску «Конец Путей»
 и курс возьму
 К ней, грузно и с изрядным
 дифферентом на корму.
 С рукой, протянутой
 над стойкой мокрою, стоит
 Всевышний бармен молча:
 там не подадут в кредит.

И, по опилкам звезд,
 в Последний, Голубой Кабак
 Проковыляв, нашарю я
 души моей медяк.

«ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Наверное, читатель обратил внимание, как часто на этих страницах звучат слова «ирония», «сарказм»? Да, без этих проявлений представить себе Константина Герасимова невозможно.

Он был не смешлив, а очень смешлив, и готовность к иронии была в нем постоянной. Признавая масштаб свершений, он не мог избавиться от иронического отношения, например, к персоне Параджанова, который был его однокашником. Над плохими учеными откровенно потешался и даже собирал коллекцию филологических ляпов. Риско-

ванно было подставиться под стрелу его иронии, а то и сарказма. Мне, например, пришлось испытать на себе и такое. Как-то Константин Сергеевич задумал провести вечер сонета. Он хотел, чтобы великие стихотворные строки прозвучали в ярком исполнении студентов, прекрасных не только душой, но и лицом. «Нина, – обратился он ко мне, тогда уже аспирантке и молодому лектору, – есть у тебя на примете студентки и талантливые, и такие, чтобы глаз радовался, глядя на них?». Я с огорчением спросила: «Константин Сергеевич, а как же я?» Он рассмеялся и выдержал очень долгую паузу, во время которой я окончательно скисла, поняв, что в глазах Герасимова у меня не достает либо способностей, либо привлекательности. Обидно

было и то, и другое. И тут Константин Сергеевич извлек из портфеля свой блокнот и в утешение мне сказал: «Посмотри, как ты у меня обозначена в записной книжке – инициалами «Н.З.» А это означает – неприкосновенный запас». Утешить-то утешил, но ох как долго он припоминал мне это «а я?»!

Что уж тут скрывать, ирония Константина Сергеевича подчас могла быть и резковатой. Вот, например, история, которую он рассказывал не раз. Заседание кафедры. Знакомство с новым аспирантом-заочником, прибывшим из Сухуми. Обсуждение выбора темы и, соответственно, будущего руководителя. Аспирант – новичок, ни с кем не знаком и очень растерян. Завкафедрой Ваню

Шадури мягко объясняет: «Если вы будете работать по древнерусской литературе, то вашим руководителем будет профессор такой-то – вот он, познакомьтесь. Если по литературе 18-го века, то доцент такой-то – познакомьтесь. Если по литературе 19-го века, то...» Аспирант смотрит на возможного руководителя по теме 19-го века, вздрагивает и не дает договорить почтенному Ваню Семеновичу: «Ой, нет, только не 19-й век!» Как вы сами понимаете, история рассказывалась с упоминанием фамилий. Это было действительно смешно. Хотя и не совсем ловко.

Впрочем, Герасимов всегда был готов и к самоиронии. Помню, вернувшись из Германии, он рас-

сказал такой случай. Отправившись в поездку, Константин Сергеевич, естественно, повез с собой письма, которые передал ему тбилисские знакомые, у которых в Европе жили родственники или друзья, — с тем, чтобы письма были брошены в почтовый ящик на месте, в Германии: тогда и дойдут наверняка, и в другие руки не попадут. Наверное, стоит напомнить, что дело происходило в советское время — все заграничные контакты граждан СССР отслеживались весьма пристально. Да и письма тогда писали только от руки. На следующий же день по приезде обязательный Герасимов приобрел в гостинице почтовые марки, наклеил на все конверты и, когда они с немецким коллегой шли к университету, старательно высматривал почтовый ящик, чтобы поскорей выполнить поручение. И вскоре увидел искомый

объект — высокий, очень красивый, по-европейски элегантный ящик. Он достал из кармана письма и направился к нему. У коллеги это вызвало неподдельное изумление. «Что вы намерены делать?» — «Опустить письма. Я обещал». — «Туда?!» — «Ну да, а куда же еще?» — «Давайте попробуем», — усмехнулся коллега. Подошел к ящику и нажал на какую-то кнопку. Вдруг ящик распахнулся, и Константин Сергеевич увидел... веник и совок. Герасимов стоял с письмами в руках и растерянно смотрел то на веник, то на коллегу, который не мог сдержать смеха: «Это для того, чтобы убирать за собаками, которых выгуливают». И хотя Константину Сергеевичу было неловко за свою оплошность, он пришел в полный восторг — стремление к чистоте и порядку и внимательное отношение к животным его всегда

Стол ведет Константин Герасимов

Германия. Гейдельберг. 1994

восхищало и радовало.

В университетских кругах аристократическое остроумие профессора Герасимова пользовалось заслуженной известностью и популярностью. Ну, вот хотя бы такой знаменитый пример. Однажды студенты задали ему провокационный вопрос: в чем величие романа Чернышевского «Что делать?». Константин Сергеевич ответил без паузы: «Владимир Ильич Ленин читал этот роман выдающимся литературным произведением, а Надежда Константиновна Крупская придерживалась противо-

положной точки зрения. А я не хочу вмешиваться в споры между мужем и женой».

А вот другой случай. Он, правда, не имеет отношения к чувству юмора лично Герасимова, но Константин Сергеевич с таким удовольствием его рассказывал, что и нам не грех его вспомнить.

На экзамене по истории русской литературы студентка, вытянувшая вопрос по «Повестям Белкина», заявила Константину Сергеевичу, что ответить не сможет, потому что ни в одной библиотеке города не смогла найти писателя Белкина. «Это же Пушкин», — изумился профессор. «Пушкина я сегодня всю ночь читала! — гордо возразила студентка, — а Белкина нигде нет». Но история этим не заканчивается. После экзамена Константин Сергеевич встретил в коридоре коллегу и сразу же рассказал об этом забавном и одновременно вопиющем факте филологического невежества. Оба от души посмеялись, и вдруг коллега резюмировал рассказ Герасимова фразой, сразившей наповал: «Представляешь, до чего докатились наши библиотеки, если даже Белкина в них не найдешь!»

На одной из последних страниц поэтического архива мы встретим шуточный сонет, который Константин Сергеевич написал, наблюдая мучения учеников поэтической студии, пытающихся освоить сонетную форму.

Нам задано писать
 сонет об Одиссее...
 Что за комиссия!
 Ведь тема – не моя!
 Мне этот древний тип
 до лампочки, хоть я
 Герасимова с Хангуляном
 не глупее.

Но ситуаций нет безвыходных.
 Отсеем
 Отвергнутых сюжетов уйму,
 и в края
 Ахейской древности пльви,
 моя ладья,
 Хоть помню гавани античные
 не все я.

Итак, воспой, о Муза...
 Нет, постой! Назад!
 Ведь нужно соблюдать каноны,
 говорят,
 И с диалектикой сонетною
 нам надо

Сдружиться... В общем,
 выход подсказал Гомер:
 Из этой студии уйти я буду рада
 В кружок вязанья:
 Пенелопа мне пример.

«ХРАНИТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ»

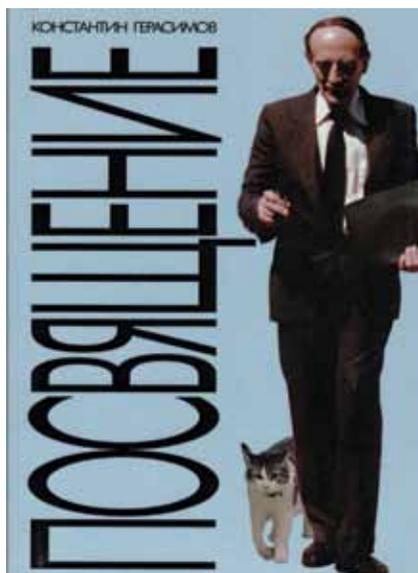
Читатель вправе задаться вопросом, кем же Константин Герасимов был в первую очередь – ученым, поэтом, педагогом, библиофилом?

Мне кажется, что если человек поэт, то он всегда, прежде всего, поэт. А Константин Сергеевич был именно поэтом, и с очень трагическим мировосприятием.

Получив от Герасимова в подарок сборник «Из глубины» и прочитав его, коллега по кафедре профессор Лина Хихадзе, со свойственной ей прямоотой, дала свой отзыв: «Как сказал Пушкин, поэзия должна быть немного глуповата». Но все дело в том, что для Герасимова сложность и изысканность были вполне естественны и просты. Он так жил, так думал, это было в его порядке вещей. Он не мог заставить себя быть более простым.

Кстати, надо отметить, что выходя в свет единственной прижизненной книги стихов Герасимова «Из глубины» мы обязаны его другу, Нодару Поракишвили. Об этом говорил и сам Константин Сергеевич, об этом написал и Нодар Леванович в своем воспоминании-рассуждении «Человек, дом и время в аномаль-

ном мире»: «Для меня, как, впрочем, и для многих из его окружения, К.С. являл собой типичного «тифлисского» аристократа, хорошего человека, первоклассного исследователя, высококвалифицированного преподавателя, необыкновенного знатока и собирателя древностей, не имеющего себе равных библиофила. А между тем никто, повторяю, никто, не знал, что К.С. несколько десятков лет серьезно и профессионально занимался поэтическим творчеством, которое ни в коем случае нельзя воспринимать в отрыве от всех других занятий этого необыкновенного человека. Однажды после какого-то званого обеда К.С. традиционно затащил меня к себе домой на чаепитие – у него постоянно имелся запас отменного чая. За чаем он неожиданно начал читать какие-то стихи – читал неважно, не в свойственном ему стиле, невнятно произносил окончания, «сбивал» темп, короче, процедура оказалась на редкость беспомощной, и К.С., от которого не ускользнуло мое равнодушие, быстро перевел разговор на другую тему. На следующий день он перед лекцией зашел в деканат, где я тогда работал. И тут неожиданно всплыл вчерашний эпизод с чтением стихов. Попытка прояснить ситуацию привела к фантастическому результату. Сперва К.С. упрямо переводил общение на другую тему, а потом, поняв, что отвертеться не сумеет, скороговоркой заметил, что время от времени пишет стихи. С удвоенной энергией, интуитивно чувствуя за всем этим какую-то мистику, я

стал настаивать на повторении вчерашней «процедуры», и он нехотя согласился после лекций удовлетворить мое любопытство. Одним словом, я сумел «разговорить» его и установить, что он давно пишет «в стол», и за это время собралось достаточно много текстов... Мне стоило немалых труда, времени, терпения убедить К.С. в том, что пребывание в состоянии безразличного отношения к реализации результатов стихотворчества – дело, мягко говоря, беспечное и легкомысленное. Как можно сорок лет интенсивно, самозабвенно сочинять первоклассные стихотворения и в то же самое время проявлять полное равнодушие к общественной реакции?»

Результат усилий Нодара Поракишвили нам известен – поэтический сборник «Из глубины».

К.С. Герасимов писал, по большей части, сонеты (первый сонет был им написан в возрасте 19 лет, в октябре 1943 года), совершенствуя и оттачивая мастерство сонетиста. Он даже является автором нескольких новых форм циклов сонетов, помимо классической – венка сонетов. Он утверждал: «Было бы закономерным и своевременным признать сонет наиболее современным средством поэтического освоения парадоксальной диалектики бытия на высоко логическом уровне метаязыка искусства».

Да, главным делом жизни Константина Сергеевича была поэзия.

А главным увлечением оставались книги.

Как-то раз у него спросили: «Чем

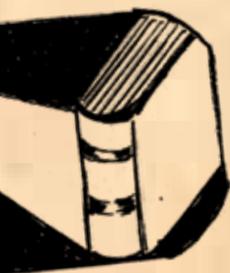
библиофил отличается от книголюбба?». Герасимов ответил: «Представьте себе, что у вас разваливаются туфли, и вы с превеликим трудом накопили денег на новую пару. Идете в обувной магазин, а по дороге, на витрине у букиниста, видите прижизненное издание... Ну, скажем, Гумилева... Книголюб вздохнет и пойдет покупать обувь. А библиофил купит книгу и вернется домой босиком».

В архиве Герасимова сохранился следующий документ:

«5 июля 1979 г.

Настоящим удостоверяется, что личная библиотека доцента кафедры истории русской литературы ТГУ Герасимова К.С., насчитывающая 8 000 томов, содержит редкие и уникальные рукописи и издания и пред-

Иллюстрации Виктории Поповой
к сборнику «Из глубины»

На научной конференции в Гейдельберге. 1994

ставляет значительную научную и культурную ценность.

Справка дана для предоставления в Исполком Советов депутатов трудящихся района им. Орджоникидзе г. Тбилиси.

Зав. кафедрой истории русской литературы ТГУ, профессор В.С. Шадури.

Директор научной библиотеки ТГУ Ш.А. Апакидзе».

Добавим, что к концу жизни библиотека Герасимова насчитывала уже около 15 тысяч единиц, и всесоюзная еженедельная газета «Книжное обозрение» даже посвятила ей специальную статью.

Так какой же она была, эта легендарная библиотека?

Дмитрий Тухарели вспоминал: «Его библиотека поразила меня уже с первого посещения. По тем време-

нам создание такого уникала было делом трудоемким. Он дрожал над книгами, никому их не одалживал. Среди его книг было множество раритетов».

«Небольшая квартирка Константина Сергеевича, – вспоминал Сергей Хангулян, – состояла из узкой галереи и двух маленьких комнат, гостиной (побольше) и кабинета (поменьше), который служил и спальней. В обеих комнатах стояли застеленные стеллажи и открытые полки, вплотную заставленные книгами. Кроме того, книги лежали стопками повсюду – на письменном столе, на журнальном столике, на спинке дивана и на стульях... Меня удивляла широта спектра герасимовского интереса – он приобретал и современную фантастику, и военные мемуары, и научно-популярные издания

по биологии и физике, но почему-то особенно поражал меня тот факт, что он охотно покупал детективы, которые по его собственному выражению, часто бывали «ниже всякой критики»... Гордостью его библиотеки была коллекция старопечатных книг. Герасимов говорил, что собирает римских авторов, «изданных на языке оригинала до 17-го века». Некоторые из этих раритетов он приносил в аудиторию для демонстрации на курсе по истории книги. Основное ядро коллекции, насколько мне известно, сформировалось сразу же после войны.

А вот что рассказывал сам Герасимов в одном из интервью, данных им Владимиру Сарисвили в конце 1980-х годов: «Я задался целью собрать всю римскую классику на латинском языке, причем изданную не позднее 17-го века. Изданий 18-го века у меня много, но тогда уже началось массовое книгопечатание, а я больше ценю подлинные раритеты. Книгоиздательство до 17-го века – это всегда произведение искусства, имеющее особый аромат. Я составил список из тридцати авторов, и после каждой фамилии ставил плюс лишь тогда, когда добывал полное собрание сочинений. Всего пока собрал 300 книг... Спецкурс по истории книги навел меня на мысль коллекционировать фирменные экземпляры выдающихся книгоиздателей средневековой Европы. В моей коллекции, кроме изданий первопечатника Иоганна Гуттенберга, представлена практически вся галерея великих книжников. Это венециан-

цы Мануции 15-16 веков, французы Плантен, Этьен, Фробен 16-го века, итальянец Джунта 16-го века, француз Дидо, итальянец Бодони ди Парма, англичанин Баскервиль 18-го века, голландцы Эльзевиры 17-го века, русские духовные книги 17-го века, первое прижизненное издание «Телемахиады» Тредиаковского, прижизненные издания Ломоносова, Державина... Особый раздел в библиотеке отведен изданиям Библии на различных языках мира. Еще один раздел посвящен миниатюрным изданиям. Есть в библиотеке и рукописи – тибетские молитвы, лютеранские свитки с карикатурами на папу римского, грузинские рукописи... Но самый забавный и уникальный раритет – новгородская берестяная грамота 15 века, гласящая: «Челобитная от Иосифа брату своему Фоме. Переслеживай о Таньке и чтоб не блудила чего зря»... Книгособирательство свело меня с великими библиофилами, подлинными чемпионами: Павлом Берковым – 28 000 книг и Михаилом Алексеевым – 30 000 книг. Нам приходилось соблюдать осторожность, ведь далеко не все попытки приобрести редкую книгу поощрялись советскими идеологами. Но, к чести книжной братии, доносчиков на нашем «Олимпе» не было... Любя книгу, я стал немного алхимиком. Изобрел растворы, способы излечения раритетов от всякой нечисти. Книги в моих руках дышат спокойно, особенно те, которые попали ко мне из трущоб. Мне кажется, они знают, что здесь будут излечены, и благодарят меня».

Надо добавить, что значительное место в библиотеке Константина Герасимова занимали прижизненные издания поэтов Серебряного века, часть которых ему передал его близкий друг Владимир Эльснер.

И вновь мы открываем поэтический архив Константина Сергеевича и читаем стихотворение, написанное в декабре 1985 года:

Мой мудрый кот, собрат, коллега,
Хранитель рукописей, ты,
Как я, не терпишь суеты –
По кругу яростного бега.

«Вперед» – вот альфа и омега
Тех, кто безмозглые скоты,
Порастерявшие хвосты
В погоне за избытком «его».

Но ты со мной. С тобою я.
Ночь погребла в себе зверья
Двуногого дневные бредни,

Чтоб нашей крепостью наш дом
Был, где с тобою мы вдвоем,
О собеседник мой последний!

Ну а теперь – несколько слов о том, какая участь постигла архив Константина Герасимова и его библиотеку.

Вскоре после кончины Константина Сергеевича при трагических обстоятельствах погибла его вдова – Натела Манафовна. Ее зверски убили. Скорее всего, причиной послу-

жила несговорчивость Нателы – она не уступила требованиям владельца квартиры, в которой десятилетиями проживали несколько поколений Герасимовых.

Архив и библиотека перешли в руки наследников – Нелли Манафовны и ее сына Гарри.

У автора этих строк хранится магнитофонная запись беседы с Нелли Гусейновой, в которой она признает, что после кончины Константина Сергеевича некоторые уникальные издания Натела продала (язык не поворачивается упрекнуть ее за это, годы были тяжелые – голод, холод, лихолетье; поневоле вспоминается судьба библиотеки Авдея Яковлевича Герасимова, которая была продана в годы Великой Отечественной войны). Некоторые книги, по глубокому убеждению Нелли Манафовны, были похищены. Зато огромная часть книг была передана в дар Национальной библиотеке Грузии и Духовной Академии. Вот дословная цитата из беседы: «Натела очень быстро после Котика скончалась – через год и пять месяцев. Он – в июле 1996-го, она – в декабре 1997-го. Она прожила без него очень мало, но в этот период очень много книг отдала Х. Он все время у нее бывал. Я часто ходила туда после смерти Котика, и он все время там перебирал книги. Но Натела была женщина с характером, и я, к сожалению, не имела права вмешиваться... А потом, когда сестры уже не было в живых, мы отдали библиотеку Патриархии. Значительную часть книг Гарри передал в Публичную библиотеку. Об этом

даже была статья в газете. Кстати, я помню, что сама Натела показывала тогдашнему руководству Публичной библиотеки книги голландцев Эльзевиоров... На тот момент их было девять. У кого они сейчас?»

В Патриархии и Духовной Академии по сей день хранят благодарную память и о Константине Герасимове, и о даре его семьи. Об этом говорится в слове благословения Католикос-Патриарха всея Грузии Или Второго, которым открывается наша книга, об этом же говорит и ректор Академии отец Георгий (Звиададзе): «Для нас также очень значимо, что после смерти Константина Сергеевича его родственники передали в дар Духовной Академии значительную часть его уникальной библиотеки, которая на сегодняшний день хранится в библиотеке Академии. И студенты, которые не застали этого великого учителя, теперь учатся по книгам, ему принадлежавшим».

А с архивом произошла поистине трагическая история. После гибели Нателы Манафовны владелец дома, в котором проживал Константин Сергеевич, просто-напросто выбросил на свалку бумаги, вещи. Очевидцы рассказывали, что рукописи летали по легендарному тупику Джавахишвили, дорогу к которому знало не одно поколение студентов...

Однако многое родственники все-таки сохранили, и в 1998 году племянник Нателы Манафовны Гарри Бабаян передал уцелевшую часть архива Владимиру Саришвили. Еще одна цитата из нашего с ней разговора: «Константин Сергеевич

**Нелли Гусейнова с сыном
Гарри Бабаяном**

был необыкновенный человек, необыкновенный. Он был моим другом, и не потому, что был мужем моей сестры. Я очень рада, что нашлись люди, которые продолжают его дело, ведь Константин Сергеевич многого не доработал, не успел. Но вообще все решил мой сын. Зная Володю Саришвили, он решил передать ему архив. И благодаря моему сыну, Гарри Константиновичу Бабаяну, делается такое доброе дело».

Кстати, надо подчеркнуть, что Саришвили, понимая всю ответственность происходящего, не хотел принимать такой дар в одиночку, и

Архив К.С. Герасимова – в дар Национальному центру рукописей Грузии

несколько раз обращался к Нодару Поракишвили с просьбой разделить с ним этот момент (что тот и сам подтверждал в беседах с автором этих строк). Но Нодар Леванович почему-то так и не собрался, и Саришвили принял архив самостоятельно. Так он и хранился у него в кладовке, в десяти небольших картонных коробках, до тех пор, пока в 2010 году Фонд «Русский мир» не поддержал инициативу Союза «Русский клуб» издать драгоценные материалы, и мы с Володей не принялись за работу.

Поэтический и прозаический разделы архива сохранились почти полностью. Целы записные книжки. А вот научный раздел архива К.С. Герасимова, видимо, подвергся в свое время разграблению. При хорошо известных аккуратности, педантизме и дотошности ученого, систематизировавшего всякий, им написанный, или предназначенный к написанию, или черновой материал,

в архиве не сохранилось ни одной (!) строчки, имеющей отношение к курсам и спецкурсам, которые он читал студентам на протяжении многих лет – истории русской литературы, истории книги, истории научной фантастики, психологии художественного творчества (в ходе работы нам удалось установить, что научный архив не пропал целиком, есть свидетели, которые подтверждают, что значительная его часть находится у Z. Впрочем, в утешение заинтересованным читателям, скажем, что в архиве сохранились целый ряд блестящих статей, авторский план статей о сонете и наброски к каждой из них, подробные планы статей, которые собирался написать Константин Сергеевич, и составленные им уникальные литературоведческие таблицы. Все эти материалы в настоящее время находятся в Национальном центре рукописей Грузии и терпеливо ждут своих исследователей.

И меркнущая даль былого,
И будущая чернота
Безмолвны. Как всегда – ни слова
О ней. Невоплотима та,

Чье на щеке моей дыханье,
Чья – пусть на миг – рука в руке,
Тверди, тверди моей тоске,
Что непреклонно мирозданье,

Что нет надежды на надежду
И путь к обрыву одиноч.
О Господи! Как жалок между
Рождением и смертью срок!

Так я один – или нас двое,
И кто-то шепчет свое «нет»,
Горящее все то, бывшее –
И впереди последний свет?..

ARS MORIENDI

В начале 90-х все пошло наперекосяк. На глазах рушился привычный уклад филфака – нашего дома, где мы учились, воспитывались, росли. Один за другим уходили из жизни учителя...

Именно в это трагическое время Герасимов издает сборник своих стихов «Из глубины». Сейчас это абсолютный раритет. И многое из того, что вы хотели бы узнать о Константине Герасимове, вы можете узнать из этой книги – откровенной, исповедальной.

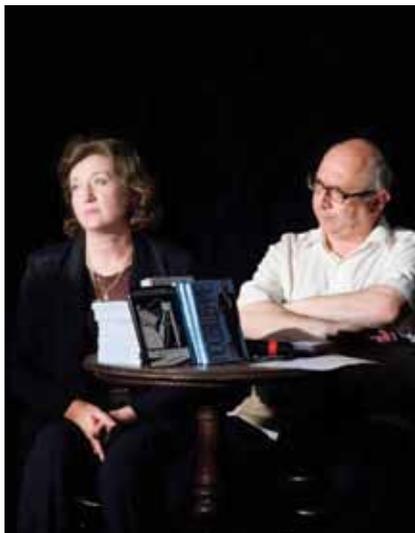
Вернувшись из Германии, где он выступил с докладом о поэзии Вячеслава Иванова на научной конференции в университете Гейдельберга, прочитал несколько лекций, побывал в разных городах, Герасимов много рассказывал о стране – интересно и смешно. Между прочим, заметил, что его приглашают в Германию на работу. Не дело было мне лезть с советами к учителю, но я (уверена, как и многие) очень просила его ехать. «Не могу», – с неизменной твердостью отвечал он. «Ну почему, почему?». Значительно

**Презентация сборника-каталога «Посвящение»
в театре имени А.С. Грибоедова. 2014 г. Фото А. Сватикова**

Николай Свентицкий

**Нина Шадури-Зардалишвили
и Владимир Саришвили**

Нодар Поракишвили

Наталья Орловская

**Дмитрий Тухарели
и Нина Шадури-Зардалишвили**

Сусанна Арменян

Ирина Квижинадзе

Валерий Харютченко

поднимая вверх палец, Константин Сергеевич произносил: «Библиотека и пять кошек».

В последние два года его жизни, если мы не виделись днем, то я непременно звонила ему вечером, слово даю... И его голос нравился мне все меньше и меньше... Был ли это, простите, ежевечерний алкоголь или проявлялась все более усиливающаяся болезнь – как знать? Может быть, и то, и другое.

«Он был человеком не очень счастливым, не вполне ухоженным, – с горечью писал Дмитрий Тухарели. – Детей у него не было, семейная жизнь как-то не сложилась. Ушел он из жизни рано. При его научном потенциале не успел реализовать своих больших возможностей... А затем Костя заболел, очень серьезно заболел. Мы все ему помогали, особенно Гиви Чахава и Нодар Поракишвили, а затем и остальные. Но Костя умер!.. Ушел из жизни знающий и талантливый человек. Как жаль, что он не получил таких подарков судьбы, как счастье и удача».

«Костя умер от горя. Не мог смириться с тем, что закрыты пути на конференции, что незачем, да и не на что, принимать коллег и друзей в Грузии», – сказал на поминках друга Нодар Поракишвили.

В свое время Захар Давыдов обнародовал последнее полученное им письмо от Константина Герасимова. Читать его можно только с огромной болью:

«Тбилиси,
11.VIII.94.

Дорогой Захар!

Судьба разлучила нас, разлучила меня со всеми моими зарубежными ныне – столь дорогими моему сердцу друзьями и коллегами. Все, чем я жил – в прошлом. Изоляция, нищета, бесперспективность, всеобщее озверение, одичание – все, что осталось. Жизнью это не назовешь. Осталось лишь вспоминать о былом. Наши встречи незабываемы – прекрасные дни в Киеве, в частности, – Волошинские чтения, организованные и проведенные тобою с таким блеском в Киеве – вспоминаю о них с радостью. Многие, очень многие уезжают отсюда, мне – некуда, да и неохота...

Сердечный привет Леле, спасибо вам за все доброе!

Не забывай,
любящий вас К. Герасимов».

Когда Константина Сергеевича не стало, дочь любимого им поэта Тициана Табидзе, Нита, написала такое письмо его вдове:

«Дорогая Натела!

Известие о кончине нашего дорогого Константина, тонкого знатока поэзии Тициана Табидзе, глубоко потрясло меня.

Искренне выражаю Вам соболезнования.

Для нас незабываемы его литературные исследования, сонеты, ораторский талант, понимание прекрасного и зачарованность поэзией.

Мне хотелось бы, чтобы все литераторы относились к поэзии с той священной жертвенностью, с какою относился Константин Герасимов.

Двери музея Тициана Табидзе всегда открыты для Вас и Ваших близких.

С любовью, Нита Табидзе.
05.08.1996, Тбилиси».

Искусства благородней
в мире нет –
Бросает ли оно в сраженья рать,
Изысканный диктует ли сонет –
Старинного искусства умирать.

Смирение достойней торжества,
Но если тяжко без любви –
а с ней? –
Не сказанные – горше всех слова,
И вовремя уйти – всего трудней.

Померкнет изумруд весенних трав,
Лазурь угаснет знойная, и мы,
Опавших листьев золото поправ,
Там, где хрусталь и серебро зимы.

«Ars moriendi...» Постигаю я
Уменье уходить, любовь моя.

ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ...

В 2010 году мы с Володей Саишвили приступили к работе над архивом Константина Герасимова. Но при этом нас крайне волновал, не давал покоя один важный вопрос: мы не могли свыкнуться с мыслью, что могила Константина Сергеевича утеряна.

Этот печальный факт подтверждали все, даже самые близкие друзья Герасимова.

В течение нескольких месяцев мы исходили чуть ли не все Сабурталинское кладбище вдоль и поперек, изучали регистрационные книги, обращались в специальные инстанции.

Мы все-таки нашли последний приют Константина Сергеевича... И ужаснулись. Могила была не просто в удручающем, а в ужасающем состоянии. Сломанный бордюр, осевшая земля, две покосившиеся таблички с полустертыми надписями...

Мы просто не знали, что и делать. Наверное, пустили бы, что называется

БИБЛИЯ

КНИГИ

СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

ВЕТХОГО И НОВОГО

ЗАВЕТА

*Любезнейшему
Константину Сергеевичу
Герасимову.*

*+ Патриарх Кирилл
3/III. 1988.*

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА • 1983

ся, шапку по кругу – а как иначе?

Все-таки решили поделиться бедой с Николаем Свентицким – руководителем проекта по изданию архива Герасимова. Недолго думая, Николай Николаевич отправился напрямиком к Католикос-Патриарху.

То, что произошло в результате этой встречи, превзошло все наши ожидания и надежды. По личному распоряжению Святейшего в течение двух недель могила была полностью отремонтирована, благоустроена и отделана зеленым мрамором, который доставили из родных мест Патриарха – Казбеги.

А еще – отныне и навсегда – Патриархия Грузии будет осуществлять постоянный уход за могилой Константина Сергеевича Герасимова.

Поэзия – слова, слова, слова.
Глагол времен. Служение отчизне.
Бред пифии. Отображение жизни.
Дверь в вечность,
приоткрытая едва.

Она есть Бог в святых
мечтах земли,
Рифмованная жвачка агитпропа.
Потоп. Ковчег спасенья от потопа.
Нет – Вавилон! Нет – Иерусалим!

Поэзия – Песнь Песней.
Кляп во рту.
Трусливого холуйства словоблудье
И Высший Судия. И взятка судьям,
И певчий дрозд, убитый налету.

СОДЕРЖАНИЕ

«УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...».....	5
«Я В ТУПИКЕ ДЖАВАХИШВИЛИ...»	9
«УЖЕ ТОГДА Я БЫЛ ПОЭТ»	13
«ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ»	18
«СТИЛЬ. ДОСТОИНСТВО».....	25
«ВЕРНОСТЬ – ВОТ ИЗБРАННИКА СТЕЗЯ»	31
«ЧТО ДЕЛАТЬ?».....	41
«ХРАНИТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ»	45
ARS MORIENDI.....	55
ПОСЛЕДНИЙ СВЕТ.....	59

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვემარტივად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეთექვსმეტე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке: **РОССОТРУДНИЧЕСТВА**

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

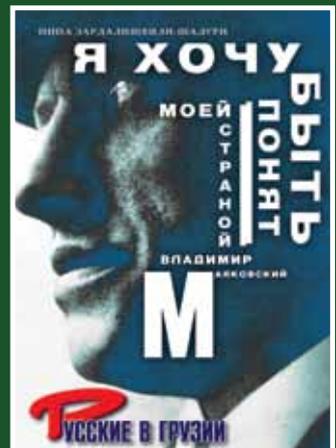
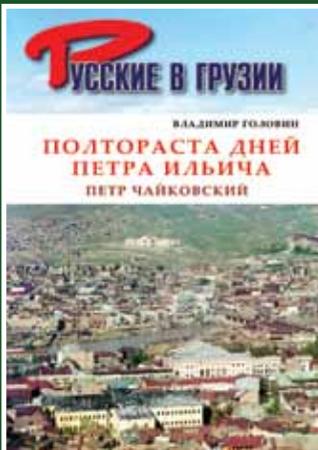
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
«МЫ КОРОТАЕМ ЭТОТ ВЕК НЕ ЗРЯ...»
КОНСТАНТИН ГЕРАСИМОВ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ЕЛЕНА ДЕНЯГА
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ

В книге использованы фотографии
из семейного архива Константина Герасимова

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Шадури-Зардалишвили Нина – филолог, литературовед, журналист. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Член Союза писателей Грузии. Лауреат Национальной премии «Золотое перо Руси» за книгу «Высоцкий в Грузии» (издательство «Либрика», Россия). Преподавала историю и теорию литературы в ТГУ им. Ив. Джавахишвили. Автор статей по теории литературы. Участник ряда междуна-

родных конференций по вопросам русистики в Грузии, России, Украине. Автор, соавтор, составитель, редактор более 20-ти художественных, научных, публицистических и популярных изданий.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

